

ГРОМКАЯ ЧАСТЬ ТЕАТРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Недавно посмотрел спектакль «Добрый человек из Сезуана» Юрия Бутусова в Театре имени А.С. Пушкина. Его можно отнести к группе российских режиссеров новой волны (условно назову их так и прошу не путать с «Новой волной» французских кинорежиссеров XX века). Хотя, конечно, они разные, но их можно объединить не совсем театральным термином — модные. В первых рядах кроме Бутусова — Серебrenников, Богомолов, Могучий. Наверняка кого-то из первачей этой волны не назвал. Не в этом суть.

Я не знаю все творчество этих режиссеров в полном объеме, но по 2–3 спектакля каждого из них видел. И, честно говоря, мне кажется, что этого достаточно.

На спектакле Юрия Бутусова во время второго акта (все ясно, прием себя исчерпал!) что-то тем не менее сформулировалось. Потому что в отличие от спектаклей остальных названных режиссеров, он не раздражал (а раздражение, как известно, не способствует размышлению). Наоборот, это зрелище внятное, понятное по способу существования, не лишнее нескольких серьезных актерских работ (если принять условия игры, заданные постановщиком), что крайне редко у модных режиссеров.

Мне кажется, а если честно, я в этом уверен, что беда (а это беда!) спектаклей модных режиссеров и их последователей, которых достаточно по всей России, в том, что они обращены к глазам зрителя, к его ушам, а не к его сердцу и интеллекту. А именно для этого и возникло искусство театра еще тысячи лет назад.

Спектакль может производить впечатление своей визуальной и аудио выразительностью. Но зритель остается наблюдателем. Ему может быть интересно следить за происходящим, тем не менее он

отстранен от *процесса*. А ведь природа театра зиждется на соучастии зрителя в процессе, а вовсе не в том, что ему преподносится все как данность, не затрагивая его мыслительные и чувственные сферы (кроме удовлетворенности или неудовлетворенности «картинкой»).

Что еще, на мой взгляд, очень важно. Любой прием, любой способ существования, самый интересный, становится довольно быстро ясным. И зритель его принимает (возьмем лучший вариант), приывает. А дальше что?

К истории, заложенной в драматургии (что более всего интересно зрителю и что, прежде всего, держит его внимание), отношение у авторов этих спектаклей чисто потребительское. Создается впечатление, что история эта берется просто для того, чтобы не писать самим пьесу. История не развивается, форма не развивается, картинка довольно однообразна (по подходу к ней). И внимание и интерес ослабевают. Тем более что режиссеры очень щедры на выдумки и разного рода эффекты, очевидно, боясь, что зритель не оценит их фантазии, а потому спектакли грешат длиннотами и, как правило, несколькими финалами. А финала все больше хочется. А его нет как нет...

Я совершенно не против этих спектаклей и этих режиссеров. Раз есть зритель, значит, как говорил Маяковский, «это кому-нибудь нужно». Но беспокоит, что критики и адепты провозглашают это лицом российского театрального процесса, его главным направлением. Тем не менее, это всего лишь часть театрального процесса. Спасибо истинным служителям театра, не самая значительная. Правда, слишком уж шумная...

Давид ЛИВНЕВ